

Посвящается Ричарду

Дели, Индия.
23 декабря 1912 года

Анна Фрейзер замерла в ожидании на резном балконе одного из *хавели*¹, располагавшихся вдоль дороги. К одиннадцати часам утра улицы вымыли и обрызгали маслом, но поднятая порывами ветра пыль забивалась в глаза собиравшимся зрителям. Раскидистые нимы² и пипалы³, высаженные рядами в центре старинного рынка Чандни-Чоук, качались на ветру неистово, будто с вызовом. Казалось, даже вороны не желали оставаться в стороне: с карканьем и криками, напоминавшими хриплый смех, они высоко кружили над узкими улочками, расходившимися в стороны от главной площади.

¹ *Хавели* — обустроенные, как дворцы, здания, служившие жильными и торговыми помещениями для зажиточных купцов преимущественно мусульманского происхождения в современных Северной Индии и Пакистане. Это слово употребляется также для обозначения жилых зданий.

² *Нимы* — вечнозеленые деревья высотой 12–18 м с раскидистой кроной.

³ *Пипалы* — вечнозеленые деревья, также известные под названиями фикус священный и дерево бодхи.

Анна держала над головой белый зонтик и с затаенной тревогой смотрела вниз, на торговцев, продававших все на свете: от свежего шербета до жареной рыбы с чили. Чего здесь только не было: диковинные фрукты, сари из шифона, книги, ювелирные украшения, а за окнами, скрывавшимися за решетками с изящной резьбой, мастерицы портили себе глаза, украшая тонкой вышивкой шелковые шали. Аромат сандалового дерева наполнял воздух. Аптекари зарабатывали немалые деньги, готовя мази и снадобья причудливых цветов. Дэвид говорил, что их делают на змеином масле, но позже Анна узнала, что при изготовлении некоторых лекарств дают ящериц, а для цвета добавляют гранат. Считалось, что здесь, в сердце этого города, можно найти все, что пожелаешь.

«Все, что пожелаешь! Какая горькая ирония», — пронеслось в голове у Анны.

Она повернулась в ту сторону, откуда вскоре появится вице-король верхом на слоне, а с ним его супруга, вице-королева. Дэвид, муж Анны, заместитель главы окружной администрации, лопааясь от гордости, сообщил, что он тоже будет ехать на слоне, на одном из пятидесяти трех, специально отобранных для процессии, которую будет возглавлять вице-король. Резиденцию британского правительства перенесли из Калькутты в Дели, и в этот день вице-королю лорду Хардингу предстояло сделать этот переход официальным, торжественно вступив в стены старого города. Церемониальное шествие начнется от главного железнодорожного вокзала Дели на Куинз-роуд.

С улицы до Анны долетало пение канареек и соловьев из десятков клеток, висевших на фасадах лавок,

а вдалеке раздавались резкие звуки трамваев. Потом Анна поглядела на растущую толпу, поражающую восточным богатством красок. Окликнула дочь, Элизу.

— Милая, иди сюда! Они сейчас будут.

Элиза тихонько сидела и читала, чтобы скоротать время, но, услышав слова матери, опрометью кинулась на балкон.

— Где? Где?

— Ну что ж ты за егоза такая? Потерпи несколько минут, — произнесла Анна и взглянула на часы.

Одиннадцать тридцать.

Элиза упрямо тряхнула головой. Она и так уже ждала слишком долго. Трудно сдержать такое небывалое возбуждение, когда тебе всего десять лет.

— Папа, наверное, вот-вот придет, — сказала она.

Анна вздохнула:

— Посмотри на себя. Только что надела платье — и уже измяла.

Элиза опустила взгляд на свое белое платье с оборками, специально сшитое по такому случаю. Она изо всех сил старалась его не испортить, вот только отношения с платьями у нее почему-то не складывались. Не то чтобы она была неряхой, просто вокруг столько всяких интересных занятий! К счастью, папа никогда не сердился, как бы сильно дочь ни измазалась в грязи. Элиза его обожала: папа самый красивый и самый веселый, он всегда ее обнимет, а среди катышков и пуха в его кармане непременно лежит конфета в обертке.

За толпой местных жителей на специально возведенных трибунах сидели британцы. По сравнению с индийцами они выглядели совсем бесцветными в одежде

из светлого хлопка и льна. Несмотря на все великолепие этого дня, Анна невольно подметила, что у многих индийцев вид унылый. Возможно, причина в пронизывающе холодном ветре, дующем с Гималаев. А британцы, напротив, демонстрировали радостное предвкушение. До Анны долетел запах имбиря и масла *гхи*. Сморщившись, она нетерпеливо забарабанила пальцами по перилам. Когда Дэвид предложил Анне поехать с ним в Индию, какие только чудеса он ей не сулил! Но с каждым проходящим годом чары рассеивались.

А внизу непоседливые дети уже норовили сбежать от матерей. Один ребенок отделился от толпы зрителей и шагнул прямо на дорогу, по которой процессия проследует в форт.

Анна стала высматривать женщину, не уследившую за своим отпрыском. «Отпускать от себя такую крошку! Верх легкомыслия», — подумала она. Тут Анна заметила женщину в ярко-изумрудной юбке и такой же шали. Погруженная в свои мысли, та глядела на их балкон. Возможно, это и есть мать. Казалось, эта женщина смотрела прямо на Анну. Когда их взгляды встретились, Анна подняла руку, собираясь указать нерадивой мамаше на ребенка. Но незнакомка тут же отвела взгляд, шагнула на дорогу и за руку втянула свое чадо обратно в толпу, где ему ничто не угрожало.

Наблюдая за столпотворением на улице, Анна радовалась, что избавлена от этой толчеи. Кого здесь только не было: беззубые старухи, чьи головы и лица были скрыты покрывалами, уличные попрошайки, завернувшиеся в свои потертые одеяла, торговцы всевозможными товарами, их дети, жители этой улицы, кутавшиеся в шали. Гвалт стоял такой, будто все они

ругались друг с другом. Вдоль домов бродили кошки. Вскинув головы, они не спускали глаз с голубей, рассевшихся по веткам деревьев. Мужчины средних лет стояли с важным видом, время от времени украдкой поглядывая на так называемых «танцовщиц». Где-то пели детские голоса. От них на сердце у Анны стало немного теплее.

Нельзя было не почувствовать, что каждый дюйм этой старинной площади, каждое здание насквозь пропитаны историей. Все знали, что в былые времена этим путем проходили процессии императоров. Принцы моголов гарцевали здесь на конях, а потом появились британцы со своими амбициозными планами построить новый, сильный имперский Дели. После того как год назад король прибыл в Дели, воцарился мир. С тех пор политические убийства прекратились. Вот почему в этот праздничный день дополнительные меры предосторожности сочли излишними.

Раздался громкий пушечный залп, возвещавший о прибытии вице-короля. За первым залпом последовал второй. Толпа сразу забурлила. Теперь люди высывались из окон и свешивались с балконов, глядя в ту сторону, откуда доносились выстрелы из пушек. Вдруг Анну охватила смутная тревога, почти предчувствие. Но это она осознала позже, а в тот момент лишь отмахнулась от непонятного ощущения. Анна опять посмотрела на часы и тут заметила вдалеке самого крупного слона из всех, что ей доводилось видеть. На спине он нес великолепный серебряный паланкин с открытым верхом. Оттуда наблюдали за происходящим внизу лорд Хардинг и его жена. Светло-серый слон, в бархатной попоне и золотой сбруе, был на индий-

ский манер разрисован цветными узорами. Процессия уже прошла через Королевские сады, но публике там скапливаться не разрешалось. Толпа на Чандни-Чоук разразилась оглушительными приветственными криками.

— Я не вижу папу! — попыталась перекричать шум Элиза. — Он точно здесь?

— О боже! Свет не видывал такого нетерпеливого ребенка!

Элиза глядела на улицу, где десятки детей прорывались через толпу к дороге. Она многозначительно посмотрела на мать.

— Нет, не я тут самая нетерпеливая. Посмотри на них! А ведь их отцы даже не участвуют в процессии.

Элиза ухватилась за перила балкона и высунулась настолько далеко, насколько осмеливалась. Она даже подпрыгивала на месте от предвкушения. Наконец показалась длинная вереница слонов. Девочка едва могла сдержать радость.

— Осторожно! — укоризненно произнесла мать. — Будешь так скакать — вывалишься!

За вице-королем ехали двое специально выбранных представителей городской администрации, за ними принцы Раджпутаны и пенджабские вожди на еще более искусно украшенных слонах. Вождей окружали местные воины с мечами и копьями, закованные в традиционные церемониальные доспехи. А за ними — остальные члены британского правительства на слонах, украшенных намного скромнее. Элиза выучила этот порядок наизусть. Папа ей все подробно объяснил. Элиза настояла, чтобы он на несколько секунд остановился и помахал ей рукой, когда его слон будет прохо-

дить под их балконом. Между тем ветер стих и выглянуло солнце. Трудно было выбрать более подходящее утро для процессии. Наконец наступил торжественный момент.

Анна в очередной раз взглянула на часы. Одиннадцать сорок пять. Минута в минуту. На другой стороне улицы женщина в изумрудном держала ребенка на руках, чтобы тот ничего не пропустил. «Так-то лучше», — отметила Анна.

Британцы встречали процессию приветственными криками. Тут и там раздавалось громовое «Ура!» и «Боже, храни короля!». В ответ лорд Хардинг салютовал толпе, а Элиза тем временем наконец заметила отца. Она радостно замахала рукой. Слон вице-короля сделал еще несколько шагов вперед, а слону Дэвида Фрейзера пришлось остановиться, чтобы наездник смог исполнить желание дочери. Дэвид поглядел вверх, на балкон, собираясь помахать Элизе в ответ, и тут прогремел взрыв, оглушительный, будто залп мощнейшей пушки. Толпа моментально затихла. Здания содрогнулись. Вся процессия резко встала. Потрясенные Анна и Элиза уставились на разлетающиеся мелкие обломки и клубы белого дыма. Элизу будто ударили в грудь. Вытирая слезящиеся глаза, девочка отскочила от перил балкона. Она не видела, что произошло, но вокруг дрожал даже воздух. Вот дым немного развеялся, и мама ахнула.

— Мама, что там такое? — вскричала Элиза. — Что случилось?

Ответа не было.

— Мама!

Но казалось, мать ее не слышала. Элиза только видела, как что-то пронеслось по воздуху, и теперь она

понятия не имела, что делать. Девочка растерянно глядела на ошеломленную толпу. Почему мама ей не отвечает? Элиза потянула ее за рукав, и тут заметила, что мама вцепилась в перила так крепко, что костяшки пальцев побелели.

Толпа внизу хлынула вперед. Сквозь облако пыли Элиза разглядела солдат. Они со всех сторон бежали к вице-королю. От жуткого запаха обгоревшего металла и непонятной химической вони было трудно дышать. Элиза закашлялась и опять потянула маму за рукав.

— Мама! — прокричала она.

Но та застыла как статуя: лицо бледное, глаза широко распахнуты.

Казалось, будто время вдруг стало текучим и все вокруг замедлилось. Анна видела только женщину в изумрудном на другой стороне улицы. Та лежала в обмороке. Элиза тоже видела эту женщину, но не понимала, почему мама все указывала на нее пальцем. Единственное, что Элиза знала точно: сердце у нее сжалось так больно, что она вот-вот расплачется.

— С папой ничего не случилось, правда, мама?

Наконец Анна обратила внимание на дочь.

— Не знаю, милая.

Хотя казалось, что Анна смотрела только на женщину на другой стороне улицы, она заметила, как ее муж покачнулся в паланкине, а потом его бросило вперед. На какую-то секунду он выпрямился и даже улыбнулся Элизе, но потом снова упал и больше не двигался. Слуга, державший зонт над головой вице-короля, тоже упал, соскользнул с бока слона и теперь висел, запутавшись в веревках паланкина.

А Элиза тем временем в состоянии была думать только об одном: о папе. С ним все в порядке. По-другому и быть не может. Вдруг она сообразила, что делать. Не надеясь достучаться до мамы, она развернулась, слетела вниз по лестнице и выбежала на улицу. Там она столкнулась с индийским мальчиком, на вид лишь чуть-чуть постарше ее. Не в силах подобрать слова, Элиза растерянно уставилась на него.

— Папа, — только и прошептала она.

Мальчик взял ее за руку.

— Не ходи туда. Ты ничем не поможешь.

Но Элиза должна была увидеть папу. Она высвободила руку и стала проталкиваться сквозь толпу. Пробившись вперед, Элиза застыла. Слон был так перепуган, что отказывался опускаться на колени. Остолбеневшая Элиза наблюдала, как один английский офицер установил лестницу на ящик из ближайшей лавки. Наконец ее отца спустили вниз со спины слона и уложили на землю. На первый взгляд казалось, будто он цел и невредим, вот только лицо стало прозрачно-бледным, точно лед, а в широко распахнутых глазах застыло потрясение. Спотыкаясь и чуть не упав, Элиза кинулась к папе и опустилась рядом с ним на колени. Она в ужасе уставилась на него, потом обхватила его тело руками. Новое платье быстро пропиталось кровью, сочившейся из раны человека, которого она любила больше всех на свете.

— Увы, бедняга погиб на месте, — рассуждал кто-то. — Эти гады начинили бомбу всем подряд: болтами, гвоздями, граммофонными иглами, стеклом. Ему что-то вонзилось прямо в грудь. Нарочно бы туда целились, не попали бы! Если надо будет, мы Чандни-Чоук

КОГДА НАЧНУТСЯ ДОЖДИ

с землей сровняем, а так называемых борцов за свободу, которые это сделали, разыщем.

Элиза продолжала обнимать отца. Она прошептала ему на ухо:

— Папа, я тебя люблю.

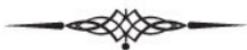
И всегда потом она будет говорить себе, что он ее слышал.

Ропот толпы звучал все громче, а мальчик мягко сказал:

— Пожалуйста, мисс, позвольте я помогу вам встать. Он ушел.

Элиза поглядела на мальчика. Ей казалось, что это все сон.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Удаленная от нас и в мечтах, и во времени,
Индия принадлежит древнему Востоку
нашей души.

*Андре Мальро*¹. *Антимемуары*, 1967 г.

¹ *Андре Мальро* (1901–1976) — французский писатель, министр культуры в правительстве де Голля.

Глава 1

*Княжество Джурайпур, Раджпутана,
Индийская империя.
Ноябрь 1930 года*

Элиза мельком, всего на секунду, увидела фасад дворца. Это зрелище потрясло ее: дворец светился, будто мираж, родившийся из дрожащего воздуха пустыни. Он казался чем-то неземным и немного пугающим. Ветер ненадолго стих, но тут же задул с прежней силой. Элиза на мгновение закрыла глаза, чтобы отгородиться от этого дрожащего песка. Как бы далеко от дома она ни забралась, пути назад нет. Она не имела ни малейшего представления, что ее ждет, и в душе шевельнулся страх. Элизе двадцать девять, и это ее самое важное задание с тех пор, как она начала карьеру профессионального фотографа. Правда, Элиза так и не поняла, почему Клиффорд Салтер выбрал ее. Впрочем, он объяснил, что ей будет проще фотографировать живущих во дворце женщин: многие из них до сих пор побаиваются чужаков, особенно мужчин. К тому же вице-король просил прислать именно британского фотографа, чтобы тот не разрывался, решая, на чью сторону встать. Элизе будут пла-

тить каждый месяц, а после успешного выполнения задания ее ждет солидное вознаграждение.

Элиза открыла глаза. Все вокруг блестело: и песок, и пыль в воздухе. Дворец снова скрылся из виду. Над ней — чистое голубое небо и беспощадное солнце. Проводник, который взялся довести ее до города, развернулся и велел ей поторапливаться. Элиза опустила голову, защищая глаза от поднятого ветром песка, и залезла обратно в запряженную верблюдами повозку. Она бережно прижимала к груди сумку с камерой. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы песчинки повредили ее драгоценный груз.

Когда они приблизились к цели путешествия, Элиза вскинула голову и увидела похожую на сказочный замок крепость, раскинувшуюся на вершине горы. Сотни птиц кружили над сиреневым горизонтом. Высоко над ними тонкие нити розовых облаков образовывали причудливый узор. Одурманенная жарой, Элиза старалась не пасть жертвой здешних чар: она ведь приехала работать. Но воспоминания о далеком прошлом навял отнюдь не ветер, от которого Элиза пыталась укрыться, сгорбившись на дне повозки, а недавние события в ее жизни.

Когда Анна Фрейзер обратилась к Клиффорду Салтеру, она думала, что благодаря связям богатого крестника ее мужа дочь возьмут на работу секретарем в приемную адвоката в Чичестере, или что-нибудь в этом роде. Анна надеялась, что тогда дочь бросит свою нынешнюю карьеру: кому нужна женщина-фотограф? Однако желающий нанять ее в этом качестве нашелся, и это оказался не кто иной, как сам Клиффорд. Он заявил, что для его целей Элиза — идеальный вариант. Тут Анна возразить не смогла. Клиффорд — предста-

витель британской короны, он отчитывался только перед главой администрации Раджпутаны или агентом генерал-губернатора Индии, который в статусе серого кардинала управлял всеми двадцатью двумя княжествами. Вместе с резидентами и главами администраций небольших и менее значительных индийских штатов он принадлежал к политическому департаменту, напрямую подчинявшемуся вице-королю.

И вот теперь Элизе предстояло провести год во дворце, где она никого не знала. Ей поручено запечатлеть сцены из жизни княжества для нового архива, чтобы отметить тот факт, что резиденция британского правительства наконец переместится из Калькутты в Дели. Строительство Нью-Дели заняло намного больше времени, чем ожидалось, а из-за войны и вообще пришлось все отложить. Но теперь время пришло.

Элиза из рассказов матери знала, как страдают здешние жители. За мощными стенами крепости Элиза заметила уличных мальчишек, игравших в пыли и грязи. Нищенка-попрошайка, скрестив ноги, сидела рядом со спящей коровой и смотрела прямо перед собой невидящим взглядом. Бамбуковые строительные леса у высокой стены рядом с ней угрожающе покачнулись на ветру. Две деревянные доски зашатались прямо над головой голого малыша, сидевшего на корточках на земле.

— Стойте! — крикнула Элиза.

Повозка остановилась, она спрыгнула. Тут одна доска отвязалась и заскользила вниз. С бешено бьющимся сердцем Элиза кинулась к ребенку и оттащила его в сторону. Доска рухнула на землю и раскололась на несколько кусков. Малыш убежал. Проводник пожал плечами. «Неужели им ни до чего нет дела?» — думала

Элиза, когда они въезжали на насыпь под крепостными стенами.

Несколько минут спустя проводник ожесточенно заспорил со стражниками у ворот крепости. Те упорно не желали их пропускать, хотя проводник показал им бумаги. Элиза окинула взглядом грозный фасад и огромные, широкие ворота: через такие пройдет целая армия вместе с верблюдами, лошадьми и повозками. Элиза слышала, что у местного правителя есть даже несколько автомобилей. Увы, машина, на которой путешествовала она сама, сломалась. Элиза вынуждена была продолжить путь на повозке, запряженной верблюдами, поэтому к месту назначения прибыла уставшая, страдающая от жажды и с ног до головы облепленная пылью. От песка жгло глаза, кожа головы зудела. Элиза старалась не чесаться, потому что от этого становилось только хуже, но не могла удержаться.

Наконец за ворота вышла женщина. Длинный тонкий платок скрывал все ее лицо, кроме темных глаз.

— Имя?

Выставив ладонь козырьком, чтобы защитить глаза от пронзительно яркого полуденного солнца, Элиза объяснила, кто она такая.

— За мной.

Женщина кивнула стражникам. Те нехотя пропустили Элизу внутрь.

Прошло восемнадцать лет с тех пор, как Элиза с матерью покинули Индию и вернулись в Англию. Все эти восемнадцать лет дела Анны Фрейзер шли все хуже и хуже. Но Элиза твердо решила вырваться на свободу. Для нее это задание стало вторым рождением, будто загадочная невидимая рука вернула ее к жизни.

Впрочем, в Клиффорде Салтере не было ничего загадочного. Ореол тайны, пожалуй, добавил бы ему привлекательности, ведь трудно было представить человека с более заурядной внешностью. Редущие светлые волосы и вечно слезящиеся близорукие бледно-голубые глаза делали его совсем уж невзрачным. И все же Элиза была ему признательна: именно он дал ей эту работу посреди скопления княжеств в пустынной части Индийской империи, на земле раджпутов — благородных кланов воинов.

Прежде чем пройти через великолепную аркаду, Элиза постаралась стряхнуть с себя хоть часть пыли. Евнух провел ее по лабиринту выложенных плиткой покоев и коридоров в маленький вестибюль. Элиза слышала о кастрированных мужчинах в женской одежде, и в присутствии одного из них ей стало не по себе. Вестибюль охраняли женщины. Устремив на Элизу недобрые взгляды, они преградили ей путь к массивным сандаловым дверям, инкрустированным слоновой костью. Евнух что-то им объяснил, и Элизу наконец пропустили внутрь, но тут же оставили одну. Она окинула взглядом помещение, в котором оказалась. Комната была выкрашена лазурной краской, повсюду сверкали золотые узоры. Цветы, листья, филигранные завитки поднимались по стенам и тянулись через весь потолок. На каменном полу лежал ковер точно такого же небесно-голубого оттенка. Хотя цвет был слишком яркий, в целом помещение выглядело очень красиво и изящно. Среди всей этой лазури Элизе казалось, будто она парит в небе.

Может быть, нужно как-то дать знать о своем присутствии? Вежливо кашлянуть? Позвать кого-нибудь?

Она вытерла вспотевшие ладони о брюки и опустила на пол сумку с тяжелым фотографическим оборудованием, но, поколебавшись секунду, снова подняла ее. Волосы Элизы были собраны в узел на затылке, а одета она была в затрапезные брюки цвета хаки и белую блузку, которая с утра была свежей, но теперь висела унылым мешком. Ее внешний вид только лишний раз доказывал, что ей здесь не место. Нет, ей никогда не стать своей в этом мире великолепных цветов и узоров. Большую часть жизни Элиза лишь притворялась, будто вписывается в компанию: болтала о пустяках, изображала интерес к людям, которые ей несимпатичны. Она очень старалась ничем не выделяться среди других девочек, а потом — женщин. И все же ощущение собственной чужеродности не покинуло ее даже после свадьбы с Оливером.

За голубой комнатой виднелась ярко-оранжевая. Лучи солнца лились внутрь через маленькое прямоугольное окошко и подсвечивали кружившиеся в воздухе пылинки. А дальше Элиза заметила угол еще одной комнаты, на этот раз с насыщенными красными стенами. А еще дальше — украшенные резьбой стены *зенаны*. Элиза знала, что долгое время в зенану правителей Раджпутаны допускали только тех, в чьих жилах течет княжеская кровь. Клиффорд объяснил ей, что зенана — он называл ее гаремом — место тайн и интриг. Там царят коварство, сплетни и разнузданный эротизм, утверждал он. Все обитательницы зенаны обучены «шестнадцати искусствам быть женщинами». Это место — гнездо разнузданности и разврата, и остается им, даже несмотря на присутствие местного духовенства. А может быть, благодаря ему, прибавил Клиффорд и подмигнул. Предшественники Клиффорда,

британские чиновники, всячески пытались искоренить самые нездоровые сексуальные практики в зенане.

Элиза задумалась: что же это за шестнадцать искусств такие? Будь она им обучена, возможно, ее брак был бы счастливее. Но, вспомнив, какой одинокой оставалась она, выйдя замуж за Оливера, Элиза фыркнула при одной только мысли об этом.

Из красной комнаты доносился приторный запах восточных благовоний. Элиза уловила аромат корицы и, кажется, имбиря, а еще чего-то одурманивающе сладкого. Это благоухание только подтверждало все, что Элиза слышала про зенану. Она почувствовала себя как в ловушке. До чего же ей хотелось подойти к окну, отдернуть белые занавески, колыхавшиеся на ветру, высунуться наружу и глотнуть свежего воздуха.

От тяжести у Элизы заныли руки, и она наклонилась, чтобы поставить свой увесистый багаж на ковер. На этот раз она отнесла его к стене, туда, где на мраморной колонне стояла лампа в форме павлина. При звуке низкого кашля Элиза вскинула голову и торопливо выпрямилась, убирая с лица пряди волос, которые не сумели сдержать тщательно распределенные по голове шпильки. Густые, длинные выющиеся волосы Элизы были ужасно непослушными, и она всю жизнь с ними боролась.

При виде вырисовывавшегося на фоне окна силуэта очень высокого мужчины Элизу охватила тревога, но она постаралась взять себя в руки.

— Вы британка? — спросил мужчина.

Элиза уставилась на него во все глаза. Она не ожидала услышать такую безупречную английскую речь.

Мужчина шагнул вперед, и луч света упал ему на лицо. Мужчина был индийцем и выглядел очень силь-

ным. Его одежду покрывала красная и рыжая пыль, а на локте правой руки у него сидела крупная птица с капюшоном на голове.

— Вам точно сюда можно? — спросила Элиза. — Это же вход в зенану, верно?

Она смотрела в широко посаженные глаза цвета янтаря, обрамленные поразительно длинными и темными ресницами, и удивлялась, почему на голове у этого человека нет тюрбана. У раджпутов их носят все мужчины, разве нет? Темная кожа незнакомца сияла на солнце, а блестящие каштановые волосы вились свободными локонами.

— Наверное, вам лучше зайти через вход для торговцев, — прибавила Элиза.

Ей хотелось, чтобы незнакомец побыстрее ушел. Скорее всего, он пришел во дворец торговать, хотя по виду больше похож на цыгана или странствующего певца. Элиза почувствовала, как ее блузка намочила под мышками. Теперь у нее вспотели не только ладони.

В этот момент в комнату вошла пожилая индианка в традиционном костюме, украшенном золотой вышивкой: длинная широкая юбка (*гагра*), облегающая блузка (*чали*) и длинный струящийся шарф (*дупатта*). Гремучая смесь киновари, изумрудно-зеленого, алого и золотого! И все же вместе эти цвета смотрелись на удивление гармонично. Вокруг женщины распространился аромат сандалового дерева. От нее веяло тихим спокойствием. Она потянула шнурок за мраморной колонной, и лампа в виде павлина зажглась, озарив ее руки синим и зеленым светом. Потом она сделала несколько шагов в сторону Элизы и слегка поклонилась, сложив ладони вместе. Пальцы женщины были уни-

заны десятками колец с драгоценными камнями, а ногти сверкали серебром.

— *Namaskār*¹, я Лакшми. А вы фотограф, мисс...

— Элиза... Элиза Фрейзер.

Она склонила голову. Может быть, сделать реверанс? В конце концов, эта женщина была махарани — то есть княгиней, — и она мать правителя Джурайпура. Клиффорд говорил, что о ее красоте и уме ходят легенды. Вместе с покойным мужем, старым махараджей, они модернизировали многие традиции штата.

Волосы Лакшми были заплетены в косу, а затем собраны в пучок на затылке. Длинная изящная шея, четко очерченные скулы, сверкающие темные глаза. Элиза воочию убедилась, что Лакшми не зря считают красавицей. Жаль, что она не попросила Клиффорда поподробнее объяснить ей придворный протокол. Клиффорд только посоветовал бороться с молью и термитами. Первые едят одежду, вторые грызут мебель.

Лакшми повернулась к мужчине:

— Вижу, ты опять притащил сюда эту птицу.

Мужчина небрежно пожал плечами и вскинул брови. Элиза обратила внимание, какие они темные и густые. Судя по его непринужденной манере, они с Лакшми хорошо знакомы.

— Его зовут Годфри, — ответил мужчина.

— Что это за имя для ястреба? — произнесла женщина.

Мужчина рассмеялся и подмигнул Элизе:

— У моего учителя классических языков в Итоне была фамилия Годфри. Замечательный человек.

¹ *Namaskār* — санскритское слово, обозначающее приветствие.